

М. Николеско

На randevu с русским человеком

Культура. — 1996. — 7 дек. — С. 13

ВИЗИТ ПРИМАДОННЫ

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Надо ли говорить, как заставил трепетать нашего меломана визит певицы, здесь неизвестной, но, судя по пресс-эпитехам, приведенным в афише к ее концерту в БЗК, блистающей "там"? Какое сладкое потрясение испытал он, когда прочитал само название концерта — "Бельканто-гала", какую бурю эмоций пережил, узнав, что каждое из обещанных гостей произведений — либо драгоценный, редко звучащий у нас репертуар, либо совершенная для нас новость?

По приглашению Михаила Плетнева и его оркестра в Москву с единственным концертом прибыла Мариана Николеско. Румынка, тридцать лет назад отправившаяся на учебу в римскую академию "Санта Чечилия", но после ее окончания не вернувшаяся на родину. Ее домом стал Нью-Йорк, местом работы — подмостки "Ла Скала", "Метрополитен", Баварской оперы, Зальцбургского фестиваля... С румынской публикой она встретится лишь в 1991-м. С того момента начнется ее превращение из персоны нон грата в национальную героиню. Она создает фонд, с помощью которого сегодня реставрируется старейший бухарестский концертный зал "Атенеум", организует первый национальный конкурс вокалистов, дает мастер-классы, вывозит молодых исполнителей на международные соревнования. В ответ — обожаемые соотечественников и правительственные награды, соседствующие теперь в ее "коллекции" с французским орденом Почетного легиона и медалью ЮНЕСКО. Но все эти подробности — к вопросу о ее общественном темпераменте. Артистичес-

кий же превзошел все ожидания.

Луженая глотка. Ровный звуковой "столб" (у большинства вокалистов он в виде конуса — со слабыми верхами или слабыми низами). Хорошо заделанные регистровые "швы". Есть изящество — но тигриное. Есть блеск — но это блеск стали. Поет самозабвенно, с дикой энергией, только искры летят. Почти машина, производящая воинственно-героический вокал в духе Глюка.

Глюк первым и явился на наш концерт (ария Альцесты из одноименной оперы). Но потерялся в тени Николеско. Ее действительно неординарный голос (формально называемый то *drammatico d'agilita* — подвижное драматическое, то *lyric-spinto* — крепкое лирическое сопрано) еще надо было принять. А это — время.

Но сожалеть о "потерянном" Глюке не пришлось. Он не покинет нас на протяжении всего первого отделения, хотя больше звучать не будет. Но прозвучит Бетховен, представший в Сцене и Арии "О изменник" ор.65 примерным учеником Глюка, — сильнейшее увлечение идеями великого оперного реформатора не прошло для него даром. Прозвучит Спонтини (ария Юлии из "Весталки"), в котором откроется борец итальянской природы и — вот опять! — глюковских убеждений, сделавшихся в конце концов основополагающими в творчестве этого композитора. Даже Моцарт, антипод Глюка, явится одетым в его доспехи. Но тут уж исполнительское "я так вижу", с которым, впрочем, спорил даже оркестр под управлением канадца Эрика Халла (на приглашении которого настояла сама примадонна). неизменно стильные и в аккомпанементе, и в своих сольных номерах из опер, плетневцы играли по-моцартовски "холмистую" музыку, а Николеско продолжала рисовать

острый, беспокойный зигзаг: отстраненная эпика — эмоциональный взрыв, эпика — взрыв, эпика... и так далее. Но неуместный здесь, в арии Вителлии из "Милосердия Тита", этот зигзаг на пространные всего первого отделения "работал" неплохо — с последним его росчерком из вековых туманов выступят женские образы, одинаково одержимые холодными страстями, стоящие на котурнах, насквозь искусственные и — абсолютно правдивые, потому что это была правда реанимированной оперы-серии.

Во втором отделении певица представила создания великих мелодистов — Амиру из россиниевской оперы "Кир в Вавилоне", Имоджене из беллиниевского "Пирата" и Елизавету из оперы Доницетти "Роберт Девере". Но и здесь, как в случае с Моцартом, палитры не сменила. Вместо чувственности, гибких линий и персонажей хоть с какой-нибудь судьбой — прежние волевой напор, острый зигзаг и мраморные психи, только уже заметно "подуставшие" (по словам Николеско, она привыкла работать на пределе сил, но сегодня, когда ей под пятьдесят, ее привлекательная "нерасчетливость" оборачивается неприглядным изъясном — уже к концу первого отделения она "пела" и руками, и корпусом... а впрочем, и тогда, теряя силы, ухитрялась перекрывать оркестровые форте).

Она еще исполнит на бис арии Маргариты, Валли, Эболи, но ничего не добавит к тому, что уже "сказала". И исчезнет, оставив нашего оперомана за прежним занятием — мечтающим о караванах заморских гастролеров, все более укрепляющегося в подозрении, что, кроме десятка опер, оккупировавших отечественную сцену, на свете существует множество других, и потому опять мечтающего услышать если не их, то что-нибудь из них. Да если б еще и в эталонном исполнении.